
Любимой меня не зови:
Не холодно мне и не жарко!
Давай посидим визави
Над нашей прощальной чаркой.

Напрасно заученно рад,
Улыбчиво нам докучая,
Услужливый официант
Шампанское вновь предлагает.

Ты скажешь: «Тащи ананас!
Шампанское – нет! Мораторий!»
Печальная сказка про нас –
Одна из обычных историй.

Историй про то и о том,
Что вечного нет и не будет.
Иллюзии пустим на слом...
Делов-то! От нас не убудет!

Смеемся, ананас доедим,
Запьем поминальной чаркой
И пыли веков предадим
Всё то, что искрилось так ярко.

Всё то, что ты мне не простил,
Лукавою славой обласкан,
И в сумерки цвета чернил
Глушил ананасы с шампанским.

Не прячь опечаленных глаз.
Неважно, кто более ранен...
О нас и задолго до нас
Поведал поэт Северянин.

Мы поэты... А значит, нам так и надо!
Не впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладкозвучным елеем.

Мы поэты... И место наше в буфете.
Не на сцене и даже не на галёрке.
Не в борделе, тем паче не в госсовете,
Где прозаседались тузы-шестёрки.

Хоть буфетчица не похожа на музу,
Но зато без всякого промедленья,
Видя в каждом потенциального мужа,
Нам плеснёт в бокал сто грамм вдохновенья.

...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.

Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а пуще – Вере, Любви, Надежде.
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поименно – другие. По сути – те же.

Пусть поэзия – площадная девка –
Откликается на любое имя.
Но при этом помнит с тайной издевкой,
Что от веку зовут её – Магдалина.

Соратник, друг, товарищ, враг
Парадоксально рады встрече.
Наш поэтический сходняк –
Содружество противоречий.

Хоть назовут потомки «съезд»
Товарищей заклятых стаю,
Здесь никого никто не съест:
Поэт поэта понимает.

Грустим, хохочем, пьем вино,
Витийствуем, исходим желчью...
Мы все равны. Нам всё равно –
Хотим утешиться, да нечем!

Не каждый тут друг другу мил,
Но держим небо, как атланты:
Посильно каждый – в меру сил
И в силу своего таланта.

И в том, кто сердцем изнемог,
И в том, кто пребывает в вере,
Одновременно, видит бог,
Живут и Моцарт, и Сальери.

Разговор с психиатром о рае

*«... и смотрят последние астры в саду
На то, как топиться хожу я к пруду...»
Диана Кан (из раннего)*

Хотела утопиться в тихом омуте
Без лишних элегических затей.
Но психиатр сказал с улыбкой: «Полноте!
Да пожалейте ж бедненьких чертей!

Ни перед кем ни в чём не виноватые,
Без потрясений и душевных ран,
Они живут, не клятые, не мятые,
А тут бултых-пардон – Диана Кан!»

Сказала психиатру: «Пыл умерьте-ка!
Я не за это деньги вам плачу.
Ведь не к лицу подобная патетика,
Любезный, ни врачу, ни палачу!

Чертям для драйва я необходимая:
Мысль утопиться – это неспроста.
Умеют же устроиться, родимые, –
В раю позанимали все места...».